

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве

English version: [Martsinkovskaya T. Informational socialization in changing information space](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются методологические и методические основания исследования информационной социализации, специфичность подхода к изучению информационной культуры в ее культурологическом, психологическом и технологическом аспектах. Раскрывается значение информационной социализации в современной неопределенной и меняющейся действительности. Исследования процесса восприятия информации доказывают, что эмоциональное отношение и степень доверия к информации, получаемой из разных источников, зависят от возраста и места проживания респондентов, так же как и восприятие формы, внешних параметров различных объектов окружающего мира. При этом с возрастом уменьшается доверие к новым видам информации и увеличивается степень зависимости от содержания информации, транслируемой значимыми другими. В то же время распознавание объектов и анализ содержания информационных сообщений обусловлены в большей степени индивидуальными особенностями и информационной осведомленностью респондентов и в меньшей степени зависят от их возраста.

Ключевые слова: информационная социализация, информационное пространство, информационная культура, восприятие информации, возрастные закономерности, индивидуальные закономерности

Проблема информационной социализации в последние годы является одной из самых актуальных и острых не только для науки, но и для общества в целом. Подрастающее поколение развивается в принципиально новом социальном и информационном пространстве, в котором слова «информационная культура» являются не абстрактными понятиями, но живой реальностью. В то же время необходимо отметить, что вопросы информационной социализации и информационного пространства для психологии, в отличие от культурологии и социологии, в значительной мере terra incognita, так как психологические исследования фокусируются в основном на проблемах интернет-коммуникаций и интернет-зависимости. Однако достаточно очевидно, что информационное пространство шире пространства интернет-коммуникации, а отношение к информации, разным информационным полям (источникам), в том числе и интернету, связаны с многообразными психологическими проблемами. В числе этих проблем, безусловно, и вопросы, связанные с веером возможных идентичностей, проявляющихся при различных формах общения и взаимодействия, и вопросы, относящиеся к новым вариантам трансляции идеалов, норм и ценностей при межгрупповой и межпоколенной трансмиссии.

Информационное общество и социальные трансформации

Прежде всего, необходимо проанализировать, насколько созвучны тенденции, прослеживаемые в работах, посвященных информационному пространству, тем трансформациям, которые происходят сегодня в мире. Даже поверхностный анализ дает возможность увидеть некоторые кардинальные изменения, наиболее характерные для сегодняшнего дня. Новой эпохе, в частности, свойственны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, представления о пассионарности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества. Изменчивость мира и его образа в сознании людей разной ментальности, образования и социальной принадлежности меняет и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и атрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры. Попробуем представить, как это может сказаться на исследованиях информационной социализации.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, но затрагивают все стороны взаимодействия разных культур – от обмена технологиями и совместных научных разработок до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятие людьми окружающего пространства, которое начинает восприниматься как свернутое, а сама Земля – как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как прежде казалось. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля – огромна, и обойти ее невозможно, сегодня люди понимают быстротечность и ограниченность жизни и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также необходимость принятия факта существования других людей и других культур. Увеличение миграции также приводит к необходимости межличностного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей к новым условиям жизни, неприятие или пассивное отторжение той культуры, тех традиций, которые являются значимыми для нового социального окружения.

В то же время взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности, приводит к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важным становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных науках. Таким образом, междисциплинарность в исследовании информационной социализации продиктована не только научными изысканиями, но и самой жизнью.

Междисциплинарный подход отчетливо прослеживается в работах социолога Д.Белла, который разрабатывал не столько социологическую, сколько культурологическую концепцию постиндустриального общества. С его точки зрения, информационное общество появляется в процессе становления постиндустриальной культуры, так как именно в этот период информационные технологии (компьютер, интернет, сотовые телефоны) становятся ведущими культурными орудиями социализации человека. Говоря о важности овладения необходимыми для такой информационной социализации знаниями, Д.Белл провел четкую дифференциацию между постиндустриальным и информационным типами культуры [Белл, 1999].

Говоря о технологическом аспекте информационной социализации, необходимо упомянуть о технологической концепции информационного общества, которая была разработана М.Маклюэном. В его работе периоды развития общества связываются с изменением доминирующих каналов коммуникации. Так, первоначальная акустическая коммуникация с появлением письменности была постепенно заменена на печатную. Информационная культура, с его точки зрения, характеризуется электронным типом коммуникации, который объединяет людей в единую информационную систему. Современную эпоху М.Маклюэн называет аудиовизуальной, так как в ней гармонично сочетаются визуальные и вербальные каналы получения информации, то есть, говоря другими словами, каждый человек может выбрать наиболее адекватный для него «язык» получения и передачи сообщения [Маклюэн, 2005].

Сходная концепция развития социума была предложена и Д.С.Робертсоном [Ракитов, 1994, Гусельцева, 2012], который выделил в развитии общества пять периодов (пять информационных революций). Первый период – изобретение языка, второй – письменности, третий – книгопечатания, четвертый – создание электронных средств информации и, наконец, пятый – изобретение компьютера и электронных носителей информации. Необходимо подчеркнуть тот факт, что Робертсон акцентирует внимание не только на собственно технологическом аспекте общественного развития, но и на расширении объема информированности, знаний как отдельных людей, так и общества в целом. Таким образом, технологический и культурологический аспекты связываются друг с другом.

Психологические аспекты информационной культуры

Необходимо подчеркнуть и тот факт, что одновременно с пониманием значимости информационного воздействия анализ показывает, что ни один источник информации не может рассматриваться как ведущий или доминирующий, – по многим причинам, среди которых важнейшими являются психологические. Это актуализирует психологические исследования проблемы современного информационного общества и информационной культуры.

Проблема культуры для психологии еще с начала XX века была одной из основных проблем. В то же время попытка наполнить это понятие собственно психологическим содержанием впервые была сделана только в работах С.Л.Рубинштейна [Марцинковская, 2008]. Как и многие ученые начала XX века он рассматривал культуру как одну из важнейших образующих личности, субъекта, как сферу наиболее полной и адекватной самореализации человека. Именно пространство культуры стало для него одним из важнейших пространств саморазвития человека. При этом необходимо отметить, что для Рубинштейна характерен абсолютно оригинальный подход к рассмотрению культуры и ее роли в психическом становлении человека, что показывает даже беглое сравнение его концепции с ведущими отечественными теориями.

Основы подхода к пониманию роли культуры в развитии личности были заложены В.В.Соловьевым. Соловьев, рассматривая процесс постепенного развития, возвышения бытия начиная от мертвой материи и кончая разумным и нравственным царством, возлагал на человека очень важную и сложную задачу, ибо через него идет путь повышения, развития бытия. Мертвая материя, пройдя через среду человеческую, одухотворяется, становится живой. Цель, к которой стремится человек, связана с обретением культуры, в которой соединяются Добро, Истина и Красота [Марцинковская 2008].

Для Н.А.Бердяева, так же как и для Л.М.Лопатина, культура также связывалась с нравственностью и свободой воли. При этом Лопатин в первую очередь акцентировал внимание на связи культуры с познанием и возможностью свободного выбора, а Бердяев – на связи свободы и творчества. Творческий акт, по его мнению, направлен на создание нового бытия, на духовное преображение мира [Марцинковская, 2008].

Для М.М.Бахтина, Г.Г.Шпета, Л.С.Выготского [Марцинковская, 2008] культура тесно связывалась не столько с развитием нравственности, сколько с овладением языком. При этом Бахтин писал о том, что необходимым условием развития личности является диалог – диалог людей, культур. Для него культура есть там, где есть как минимум две культуры. Именно диалог культур, культурное бытие на грани с иной культурой, способствуя рефлексии, стимулирует и развитие самосознания человека. Для Шпета же культура являлась, прежде всего, условием развития культурного самосознания человека, формой обретения им новых знаний и новых переживаний, помогающих его

вхождению в социальный мир, осознанию и интерпретации заложенных в разных видах бытия знания. Близкие к этим взгляды на культуру высказывались и Л.С.Выготским, который также писал о том, что овладение культурными эталонами, знаками, прежде всего речью, дает возможность формирования высших психических функций человека.

Весь этот оппонентный круг, этот океан культуры вошел в той или иной форме в концепцию Рубинштейна. Но для Соловьева главным был процесс постепенного высветления, самосовершенствования человека, ведущую роль в котором играла культура, для Лопатина и Бердяева – влияние культуры на развитие этики. Бахтин рассматривал культуру как средство, основу для диалога человека с собой, другими, миром в целом. Для Шпета ведущим был герменевтический параметр культуры, язык, с помощью которого человек интерпретирует мир, осознает себя и окружающее бытие. Выготский рассматривал культуру как инструмент для обретения произвольности, возможности воздействия на других и на себя, в том числе и в преодолении своих дефектов и ограничений. В отличие от них Рубинштейн рассматривал культуру как средство построения внутреннего мира, который в какой-то степени являлся пространством, дающим возможность не только развития, но и сохранения свой самости, укрытия от внешнего мира. Возможно, здесь, помимо оппонентного круга, от которого отталкивался Рубинштейн в своем понимании культуры в первую очередь как искусства, сыграли и социальная апперцепция, факты его личной жизни, постоянно ставящей перед ним задачу выстраивания своего личного пространства именно как убежища от давления окружающих.

Таким образом, для Рубинштейна культура становится не только и не столько образующей самосознания субъекта, сколько образующей его личностного пространства, индивидуализации этого пространства через искусство, которое воспринимается человеком и, в свою очередь, перерабатывается им и воспроизводится в новом ракурсе, в новой креативной картине, образуя взаимосвязь восприятия и творчества. Еще одним важным отличием было жесткое разделение понятий «культура» и «язык», которое отчетливо просматривается во всех работах Рубинштейна [Рубинштейн, 1997].

Именно эти положения о роли культуры как образующей личного (добавим, и информационного) пространства человека, которое выстраивается посредством адекватного для него языка, могут рассматриваться как основополагающие для анализа психологической составляющей информационной культуры. Если личное информационное пространство может связываться как с уровнем индивидуальной культуры, так и с особенностью идентичности человека, то понятие языка в данном случае связывается не только с выбором адекватного канала и источника информации, но и с информационными технологиями.

Межпоколенная трансмиссия в информационной социализации

Не меньшее значение для понимания информационной социализации имеет и тот факт, что на сегодняшний день жизненно необходимая информация часто просто не может быть транслирована в непосредственных контактах. Поэтому и с точки зрения теории, и с точки зрения практики развития информационной социализации изучение межпоколенной трансмиссии является крайне значимым вопросом. Особенно важным этот вопрос представляется в связи с тем, что известные варианты трансмиссии, описанные М.Мид, в настоящее время не полностью отражают специфику взаимодействия и обмена информацией представителей разных поколений. Прежде всего, процесс передачи опыта проходит сложными, зигзагообразными путями – не только вниз или вверх (постфигуративные и префигуративные) или по горизонтали (конфигуративные). Проблема в том, что в мегаполисах и на периферии (например, в малых городах и поселках) межпоколенная трансмиссия существенно отличается как по содержанию, так и по формам. Можно говорить о том,

что в больших городах процессы обмена опытом, перехода от одной формы трансмиссии к другой существенно ускорены по сравнению с более традиционными малыми городами, особенно в этнически гомогенных областях.

Огромное значение для межпоколенных связей и обмена опытом имеет и информационное пространство, в которое погружены разные члены семьи. Например, полученные в наших исследованиях данные показывают, что подростки не доверяют телевизионной информации и многим сообщениям и советам старших, не совпадающим с содержанием информации из интернета. При этом чем моложе люди, тем больше влияния на их поступки оказывает интернет, а чем старше – тем большее воздействие оказывает ТВ. Поэтому нарушение межпоколенной трансмиссии происходит и из-за несовпадения информационных предпочтений.

Трансформации межпоколенных взаимодействий в настоящее время происходят и по вертикали, и по горизонтали, и по глубине, и по времени. Контакты становятся все более беглыми и поверхностными. Эти изменения уже более десяти лет назад отмечали в своих работах З.Бауман и М.Грановеттер [Бауман, 2008], говоря о том, что наше время – это время «слабых связей» между людьми даже в одной семье. Проблема межпоколенных взаимодействий заключается и в неадекватности как жесткой, так и слишком мягкой трансляции, а также особенно доминирующей в большинстве культур форме трансляции норм и ценностей, при которой транслируются в основном отрицательные эталоны (так нельзя, это плохо), а не положительные.

Эмпирические исследования информационной социализации

В последние годы был проведен ряд эмпирических исследований информационной социализации. Прежде всего, необходимо было выяснить, существует ли связь социальных представлений о средствах массовой информации (СМИ) с рядом других социальных представлений об окружающей действительности. Сопоставление материалов, полученных в исследовании учащихся и преподавателей (общеобразовательных школ, гимназий и вузов), проведенное О.В.Гребенниковой [Гребенникова, 2011], показало, что в обеих возрастных и социальных группах нет устойчивой сети представлений об окружающем мире.

Малая структурированность различных социальных представлений, очевидно, связана, главным образом, с теми кардинальными трансформациями, которые происходят в последние десятилетия в мире (и особенно в нашей стране), и порождаемой этим неопределенностью и текучестью ценностей, установок и нормативов. Важным моментом является тот факт, что неопределенность в одинаковой мере сказывается и на представлениях подростков, студентов и взрослых людей, поэтому ни в одной из групп невозможно на сегодняшний день выделить предикторы выбора если не конкретного СМИ, то хотя бы информационного поля. Как показали данные Т.В.Костяк, это затрудняет поиск путей конкретного информационного воздействия и, что особенно значимо, прогнозирования реакции респондентов на эти воздействия [Костяк, 2011].

При этом была выявлена некоторая положительная тенденция у более молодой выборки (подростков и студентов) к систематизации социальных представлений и, частично, информационных полей. Так, была выявлена взаимосвязь между выбором в качестве ведущего фактора развития «наследственность» и более консервативными взглядами на политику и семью по сравнению со студентами, выбирающими в качестве ведущего фактора среду.

У взрослых респондентов доминирование консервативных установок по всем основным вопросам, связанным с политическими, социальными, семейными представлениями и СМИ, сочетается с социогенетической установкой, определяемой существовавшим в советское время взглядом на

ведущую роль среды, коллектива в развитии детей. Естественно, что наиболее ярко эта позиция проявлялась и проявляется в педагогическом сообществе. При этом вызывает удивление тот факт, что, признавая на словах ценность школы как института социализации, педагоги реально перекадывают всю ответственность на семью, которую считают главным фактором, влияющим на развитие детей.

Консервативность убеждений педагогов, принадлежащих к разным возрастным группам (от 30 до 60 лет), особенно тревожна в связи с тем, что эта позиция не позволяет им влиять на процесс информационной социализации подростков и молодежи и даже на их ориентировку в информационном пространстве.

Материалы, полученные в исследованиях О.В.Гребенниковой, Н.А.Голубевой и А.Н.Пархоменко [Голубева, 2011; Пархоменко, 2012], показали, что молодые люди в большей степени доверяют интернету и больше им пользуются, что существенно отличает их от педагогов. Проблема даже не столько в операциональной стороне (взрослые меньше пользуются электронными СМИ, так как в меньшей степени обладают умениями их использования), сколько в отношении и доверии к ним. Большинство взрослых, в особенности педагогов, в большей степени ориентированы на телевидение и считают, что интернет вреден для здоровья и «оболванивает» подростков, снижает уровень их развития. При этом они не видят уникальных возможностей культурного и познавательного развития в новых технологиях, не понимают особенностей общения в Интернете, которому дети отдают столько времени, и не осознают новую структуру интересов подростков (новая музыка, фильмы и т.д.), отрицают связь субкультуры молодежи с новыми информационными технологиями.

Для молодежи, которая, в свою очередь, не доверяет телевидению, эти взрослые не могут быть значимыми, уважаемыми, и не вызывают доверие их советы и в других областях социальной реальности. Это говорит о том, что в выборе информационных источников и полей информации подростки фактически предоставлены сами себе и не могут (даже если бы захотели) ориентироваться на мнение педагогов, а часто, по-видимому, и родителей.

В то же время материалы, полученные в исследовании Т.П.Авдуловой [Авдулова, 2012], показали более сложную зависимость между возрастом и источником получения информации. В том случае, если выбор является содержательным, то он перестает быть линейным. Большинство подростков продемонстрировали активную позицию во взаимодействии с информационным пространством. Коммуникативная толерантность подростков связана с их готовностью осуществлять выбор в пользу гибких стратегий построения отношений, использованием эффективных моделей самопрезентаций. Интересно, что именно коммуникативная толерантность в отдельных своих проявлениях связана с уровнем доверия различным компонентам интернет-пространства, а некритично относятся к информации преимущественно интолерантные подростки.

Экспериментальное исследование восприятия различной по форме и содержанию информации, проведенное Г.В.Шуковой, также подтвердило отсутствие линейной зависимости между характером восприятия, возрастом и технологическим аспектом информационной культуры испытуемых. Индивидуальные различия восприятия информации, так же как и уровень когнитивной простоты / сложности когнитивного стиля испытуемых, связаны, прежде всего, с индивидуальными и личностными характеристиками испытуемых обеих возрастных групп, а не с их «цифровым» опытом и уровнем компьютерной грамотности.

Материалы, выявившие невозможность прогнозирования выбора СМИ и их воздействия, исходя из принадлежности к возрастной когорте, и/или социальной / профессиональной группе, показали необходимость разработки дальнейших исследований, связывающих выбор информационных источников, исходя из групповой идентичности, степени референтности группы и профессиональных интересов, а не профессиональной принадлежности.

Влияние референтной группы ярко сказывается, например, в выборе СМИ у большой группы людей, недавно приехавших в Москву. Как показали данные, полученные Е.Ю.Увариной [Уварина, 2010], доминирование телевидения, а не газет, радио или интернета, является общим для большинства людей данной возрастной группы (35–50), независимо от места проживания. Однако существенным отличием именно этой группы респондентов является высокий интерес к политическим новостям, а также факт доминирования телевидения как основного источника информации, в то время как другие люди зрелого возраста все же имеют альтернативные источники получения знаний (в том числе и печатные СМИ, и интернет). Для остальных респондентов (как взрослых, так и подростков) наибольший интерес представляет не политика, но профессиональные знания, культура, спорт, светская хроника и т.д. Этот факт важен не столько сам по себе, но в связи с возможностью прогнозирования выбора поля информации и, частично, формы СМИ в зависимости от референтности группы, ее социальной и этнической принадлежности.

Влияние интересов на выбор конкретного источника информации ярко проявилось в данных опроса радиослушателей, проведенного О.В.Гавриченко [Гавриченко, 2010]. Как показывают результаты, выбор в качестве ведущей определенной станции связан с тем, что по этой волне передают любимую этой группой людей музыку. Притом что радиопередачи для этих респондентов являются постоянным фоном (как для большинства других – телевидение), это не спонтанный выбор программы, не радиостанция формирует их вкусы, но выбор станции обусловлен совпадением вкусов ведущих и слушателей. Полученные в этом исследовании материалы показывают, что имеется достаточно высокая степень совпадения широкого круга интересов людей – активных слушателей конкретной радиостанции. Это дает основания предполагать, что и в других сегментах информационного пространства можно прогнозировать выбор СМИ по набору вкусовых предпочтений или, что особенно важно, по одному из частей круга интересов. Так, видимо, склонность к определенным музыкальным программам связана с выбором фильмов и программ ТВ, и, наоборот, любимые фильмы раскрывают не только идеалы, но и музыкальные пристрастия людей и, частично, их социальные представления. Однако надо иметь в виду, что это касается взрослой выборки с устойчивым кругом интересов и опытом работы с информацией.

Говоря о подростках, особенно важно подчеркнуть, что профессиональная увлеченность играет одну из важнейших ролей при информационной социализации. Как показывают полученные в разных исследованиях материалы, друзья, педагоги, иногда и родители, оказывают меньшее влияние на выбор информационного поля и по содержанию, и по форме, чем профессиональная мотивация. Особенно явно этот феномен сказывается в случае совпадения профессиональной и групповой идентичности.

Исследования Г.Р.Хузеевой [Хузеева, 2010] показали, что не меньшее значение, чем профессиональная и групповая идентичность, имеет при выборе формы и содержания СМИ и место проживания подростков. Как и следовало ожидать, у подростков из больших городов больше выбор и большее разнообразие в источниках информации, прежде всего, по содержанию. С этим связано и стремление подростков больше походить на самих себя, а не близких взрослых, меньшая ориентация на семью и традиции. При этом обращает на себя внимание тот факт, что степень доверия к получаемой информации у подростков из небольших поселений значительно выше, чем в мегаполисе. Особенно важно, что именно в малых городах СМИ выполняют роль источника и объекта гражданской и этнической идентичности, в то время как в больших – групповой и личностной.

Полученные материалы показывают, что современная ситуация неопределенности и изменчивости проявляется не только в отсутствии единых информационных полей для взрослых и подростков, но и в отсутствии практически у всех возрастных групп идеалов, образцов для подражания, героев и норм. Большинство опрошенных (как взрослых, так и подростков и молодежи) ни на кого не хотят быть похожими, никакие образы (как реальные, так и художественные) не являются для них эталонами. Этот факт, по-видимому, говорит не столько о самоактуализации и индивидуализации, сколько о том, что люди надеются только на себя и не испытывают доверия ни к каким образам и

образцам и ни к какой информации. Ученые всегда отмечали, что отсутствие идеалов – симптом кризиса духовности в обществе, и это тревожный феномен.

В связи с этим хотелось бы еще раз обратить внимание на роль взрослого как источника информации о разных областях окружающего мира. Как показывают разнообразные данные, влияние близких и/или значимых взрослых остается высоким только в определенных сегментах информационного пространства, в ситуациях, связанных с решением конкретных жизненных задач: выбором профессии, сложными, трудными ситуациями. При этом с возрастом проявляется та же тенденция, что и при выборе героев, – стремление опираться на собственное мнение, доверять больше себе, иметь альтернативные источники информации.

При этом в отсутствие постоянных увлечений и интересов, так же как и постоянной референтной группы, источники информации меняются, и их выбор зависит не только от собственных предпочтений (как кажется подросткам), но и от ситуации. А потому роль СМИ в этом случае особенно велика.

Еще один примечательный феномен связан со все увеличивающейся долей музыки в общем информационном пространстве подростков. Музыка накладывает существенный отпечаток на весь стиль и ритм жизни подростков и молодежи, на их поведение, одежду, героев. Тот факт, что музыка является не только развлечением, но и информацией, подтверждается популярностью РЭПа и русскоязычных исполнителей, так как для подростков важны слова, а не только ритм и мелодия, которая вообще имеет подчиненное слову и ритму значение. По-видимому, можно говорить и о катарсическом воздействии музыки, которая заменяет комедии, мелодрамы, детективы и приключенческие фильмы и книги, являющиеся способом разрядки и катарсиса (очищения от трудностей и переживаний) для более взрослой части населения. Во втором случае идентификация идет с героями фильмов и книг, в первом – эмоциональное заражение и разрядка заложены в самом строе музыки. Частично в этом кроется и феномен подростковой субкультуры, пронизанной музыкальными стилями, исполнителями и ритмом. Этот факт необходимо учитывать и при выборе для данной возрастной аудитории способа подачи значимой информации.

Материалы исследований показывают, что задачи развития на этапе взросления проявляются и в содержании информационной социализации. Задачи, связанные с самоопределением и самореализацией, стремлением найти смысл своей жизни, свою идентичность – как личностную, так и групповую, решаются и при помощи различных СМИ и СМК. Это проявляется в структурировании и дифференциации информационного пространства, появлении различных альтернативных по форме и направленности источников информации, растущему недоверию к телевидению и рекламе. Интересен факт увеличения интереса в старшем подростковом возрасте к научно-популярным фильмам и книгам, а также к мистике и триллерам. Видимо, это можно объяснить стремлением осознать ценность и хрупкость жизни, понять свое предназначение, сформировать собственную картину мира.

Этот поворот к другой сфере информационного пространства, не связанной с интернетом (при сохранении значительной доли интернета в общей структуре информационных полей подростков и молодежи) является позитивным фактом, показывающим поворот от виртуального мира к реальному. Дальнейшее изучение этого феномена важно не только в связи с позитивным решением задач развития, но и с преодолением тревожности, неуверенности в себе, суицидальными наклонностями, свойственными большому количеству молодежи. Увлечение виртуальными играми, дающее ощущение «запасных» жизней, «запасных вариантов» построения своей судьбы, не только снижает ощущение реальных рисков, но и реальности как таковой, делает подростков крайне уязвимыми при появлении стрессовых, неблагоприятных жизненных ситуаций.

Еще один момент, на который необходимо обратить внимание, связан с различием в структуре общения у индивидуальных пользователей компьютером и у подростков, входящих в интернет-клубы. Как показали материалы, полученные Е.И.Изотовой [Изотова, 2010], если у первой группы

доминирует стремление к общению, то у второй – стремление к развлечению. При этом познавательная мотивация, хотя и не в явном виде, встречается в обеих группах молодежи. По-видимому, подростки первой группы компенсируют некоторые личностные проблемы, вызывающие трудности в первоначальном налаживании контактов, общением в сети. Вторая же группа должна рассматриваться как неформальная структура и имеет все черты самоорганизующегося коллектива, выстраивающего свою субкультуру.

Необходимо заметить, что стремление к широкому общению, которое не может происходить по многим причинам в реальности, все больше начинает приобретать массовый характер. Как показали полученные материалы, младшие подростки в большей степени зависимы от онлайн-общения, чем старшие, они также располагают и более современными средствами коммуникации, позволяющими поддерживать приятельскую беседу практически постоянно. В более старшей выборке еще наблюдается выделение в круге общения друзей и приятелей, которое мало-помалу исчезает у более младших подростков, для которых сам процесс общения становится самоцелью. Таким образом, можно говорить о том, что неформальные группы подростков начинают все больше приобретать виртуальный характер и самоорганизовываться по новым основаниям.

Заключение

Можно выделить несколько основных тенденций, проявляющихся в процессе информационной социализации.

Подростки доверяют информации о разных областях окружающего мира, полученной из интернета, значительно больше, чем информации, полученной из других источников. Эта разница существенна даже при сравнении со степенью доверия разным СМИ у подростков и молодежи и кардинально различается у подростков и взрослых.

Взрослые значительно больше, чем подростки и молодежь, уделяют внимание телевизионным программам (и как источнику информации, и как фону), они также существенно больше доверяют телевизионной информации и рекламе, чем подростки.

Для взрослой выборки наибольший интерес представляют вербальная и визуальная информация (фильмы, телепередачи, книги). Для подростков и молодежи все большее значение начинает приобретать музыка, которая становится и общим фоном жизни, и средством получения информации об окружающем мире.

Технологический аспект информационной культуры играет важную роль при восприятии внешних характеристик объектов и необходимости технических способов управления информацией. Например, и использование гаджетов, и даже сам способ их восприятия существенно отличаются у подрастающего поколения по сравнению со взрослыми и пожилыми людьми.

Важным является тот факт, что при разном восприятии внешнего вида анализ содержания информации и эмоциональное отношение к ней не имеют существенных различий у людей разного поколения и зависят, в основном, от их личностных и интеллектуальных особенностей.

Проблемы, возникающие в процессе межпоколенной трансмиссии, связаны не только с отношением и доверием к разным источникам информации, но и со степенью толерантности к ней, которая существенно выше у молодежи по сравнению со зрелым и пожилым поколением. Это во многом определяется уровнем структурированности социальных представлений у людей разного возраста.

Существуют отличия в характере информационной социализации и информационной культуры, связанные с местом проживания, – мегаполис и малые поселения. Эти отличия проявляются

независимо от возраста и личностных особенностей человека.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 10-06-00262-а «Информационная социализация: междисциплинарный и мультипарадигмальный подход».

Литература

Авдулова Т.П. Альтернативный выбор подростков в информационном пространстве. Психология обучения, 2012, No. 11, 71–82.

Бауман З. [Bauman Z.] Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

Белл Д. [Bell D.] Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999.

Гавриченко О.В. К проблеме выбора в информационном пространстве как основания характеристики социальных групп (по материалам исследования информационных предпочтений групп радиослушателей разного возраста). Мир психологии, 2010, No. 3, 148–154.

Голубева Н.А. Сравнительный анализ информационных предпочтений старшеклассников московской школы и немецкой гимназии. Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования, 2011, No. 4, 29–36.

Гребенникова О.В. Социальные представления и информационные предпочтения современных педагогов в образовательном континууме. Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования, 2011, No. 4, 14–21.

Гусельцева М.С. Информационная социализация в постиндустриальной культуре. Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования, 2012, No. 3, 20–35.

Изотова Е.И. Особенности виртуального общения современного подростка: предикторы выбора. Мир психологии, 2010, No. 3, 102–111.

Костяк Т.В. Социальные представления студентов в контексте информационной социализации. Мир психологии, 2011, No. 2, 201–207.

Маклюэн М. [McLuhan H.M.] Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.

Марцинковская Т.Д. Мир С.Л.Рубинштейна: культура как пространство саморазвития человека. Мир психологии, 2008, No. 1, 43–50.

Пархоменко А.Н. Взаимосвязь компонентов идентичности современных московских подростков и их информационных предпочтений. Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования, 2012, No. 2, 75–91.

Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России. Вопросы философии, 1994, No. 4, 14–34.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Уварина Е.Ю. Информационные предпочтения родителей (москвичей и мигрантов) подростков, занимающихся в Центре дополнительного образования ЮЗО Москвы. Мир психологии, 2010, No. 3, 178–185.

Хузеева Г.Р. Взаимосвязь характера информационного пространства с особенностями информационной социализации (по материалам исследования подростков мегаполиса (Москвы) и малого поселения). Мир психологии, 2010, No. 3, 112–121.

Поступила в редакцию 2 июля 2012 г. Дата публикации: 30 декабря 2012 г.

[Сведения об авторе](#)

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.
E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве. Психологические исследования, 2012, 5(26), 7. <http://psystudy.ru>

ГОСТ 2008

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/766-martsinkovskaya26.html>

[К началу страницы >>](#)